

СУДЕБНАЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: СПЕЦИФИКА АНАЛИЗА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА В АСПЕКТЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ЭКСТРЕМИЗМЕ

Статья посвящена вопросам лингвистической экспертизы текста, рассматриваемого на предмет выявления признаков экстремизма. Описывается специфика исследования текста, построенного по художественной модели изображения действительности. Выделяются значимые для экспертной практики категории текста с художественной системной организацией: художественное обобщение, фикциональность, концептуальность. В практическом аспекте в экспертном анализе становится значимым различие в характере реализации концептуальности текстов, смоделированных по публицистической и художественной модели. В публицистической модели концепция текста открыто выражена в позиции автора, который в то же время является повествователем. В тексте же, построенном по художественной модели, концепция выражается всей его сложной системной организацией. Более того, высказывания, содержащиеся в таком тексте, могут быть диаметрально противоположны выражаемой автором позиции и, соответственно, информации, получаемой реципиентом. Фикциональность текста, построенного по художественной модели, не позволяет отождествлять позицию авторов и повествователей и приводит к трансформации на концептуальном уровне направленности текстовых коннотаций. Художественная обобщенность образов, в отличие от публицистической, препятствует осуществлению конкретизации отдельных аспектов смысла и референции их с законодательными текстами, содержащими конкретные признаки запретительных норм. Решение в ходе целевого судебного анализа дискуссионного вопроса об эстетической значимости текста представляется непродуктивным. Экспертно значимым становится рассмотрение реализации декодируемых признаков сценария системно смоделированного художественного пространства, которое не может быть механически соотносено с плоскостью реальной действительности. В материале доказываεται значимость для экспертного подхода к тексту его дискурсивной специфики, определяющей аспекты интерпретации.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, экстремизм, художественный текст.

Концепция и методика лингвистического исследования текста в процессах по обвинению в экстремизме – одна из болевых точек современной лингвоэкспертологии [1; 3; 4; 7; 8; 13]. Первые методики экспертного исследования текста на предмет определения его экстремистской направленности уже предложены российскому научному сообществу [5; 10; 14]. Однако многие аспекты лингвистического анализа, определенные целями судопроизводства, еще не рассмотрены.

Важную роль в ходе исследования текста играет определение его стилистической (дискурсивной) природы. Особое место в корпусе текстов, рассматриваемых на предмет соответствия антиэкстремистскому законодательству, занимают тексты художественные. В современной лингвоэкспертологии была высказана мысль о неправомерности обвинений в экстремизме по отношению к художественным текстам [13]. Данный тезис еще не приобрел статус концептуального экспертного постулата, однако имеющийся материал уже свидетельствует о необходимости в ходе экспертного исследования учитывать **признаки** художественного текста, влияющие на декодировку смысла произведения в аспекте его квалификации относительно соблюдения антиэкстремистского законодательства.

Обсуждение критериев художественности вне экспертной практики не ведет к решению поставленной в настоящем материале задачи, поэтому

перечислим инвариантные в современной филологии сущностные **признаки художественной коммуникации**: 1) отсутствие непосредственной связи между коммуникацией и жизнедеятельностью человека; 2) наличие эстетической функции; 3) имплицитность содержания (наличие подтекста); 4) установка на неоднозначность восприятия; 5) установка на отражение нереальной действительности (художественные тексты представляют не модель действительности, а сознательно конструируемые возможные модели действительности) [6].

Очевидно, что в ходе имеющего практическую направленность судебного анализа экстремистского / неэкстремистского текста приведенные критерии рассматриваются под особым углом зрения, сквозь призму задачи – выявить конкретные признаки экстремистского текста согласно представленным в законе семантическим моделям или признать отсутствие таковых. Поэтому важно выяснить, какие именно признаки стиля и каким образом должны быть учтены в экспертном анализе.

Положение первое. Полагаем, что в рассматриваемом аспекте один из основных признаков художественного стиля – эстетическая функция – должен остаться за пределами экспертного анализа. Специфика экспертных выводов требует конкретных доказательств реализации той или иной категории. Обсуждение же вопроса о художественности как мере эстетической значимости при рассмотрении текста в экспертной практике не пред-

ставляется возможным, поскольку сами критерии этой оценки не только дискуссионны, но и в значительной мере субъективны.

Можно ли абстрагироваться при анализе художественного произведения от выделения эстетической функции? Сомнение закономерно, однако – подчеркнем – именно о специфике целевого экспертного анализа и идет речь в настоящей статье. Во-первых, в рамках концепций, связывающих эстетическое прежде всего не с прекрасным, а с социально-исторически значимым, эстетика произведения есть его концептуальная система: «Эстетическое есть выражение той или иной предметности, данной как самодовлеющая созерцательная ценность и обработанной как сгусток общественно-исторических отношений» [11]. Во-вторых, в качестве квалификационных для экспертной практики далее будут выделены другие признаки стиля, которые имеют более реалистичную природу и могут быть подвергнуты верификации. В-третьих, для экспертной практики несущественна собственно квалификация произведения как художественного. Допустимо считать его условно художественным, претендующим на художественность, построенным по моделям художественного произведения.

Положение второе. Значимыми для экспертной практики при декодировке смысла текста предлагаем считать следующие категории художественности как свойства произведения особой системной организации: *художественная концептуальность, фикциональность, обобщение.*

Художественная концептуальность предполагает организацию всех аспектов текста: жанра, сюжета, композиции, системы образов, хронотопа, стилистических средств – авторской интенцией на формирование определенной картины мира и прагматической направленностью на реципиента. Именно концептуальность как системность, спроецированная не только на речепорождение, но и на интерпретацию, стоит в центре определения Л.Г.Бабенко [2, с. 64]. В практическом аспекте в экспертном анализе становится значимым различие в характере реализации концептуальности текстов, смоделированных по публицистической и художественной модели.

В публицистической модели концепция текста открыто выражена в позиции автора, который в то же время является повествователем. В тексте же, построенном по художественной модели, концепция выражается всей его сложной системной организацией. Более того, высказывания, содержащиеся в таком тексте, могут быть диаметрально противоположны выражаемой автором позиции и, соответственно, информации, получаемой реципиентом. Так, например, происходит, если повествование ведется от лица отрицательного персонажа, неприятие которого автором выражено рядом средств.

Ориентация эксперта при декодировке текста на модель художественной концептуальности в тех случаях, где она действительно реализуется, позволит избежать принципиально неверных выводов, обусловленных абстрагированием от стилистической специфики произведения.

Обобщение как средство типизации реализуется в признаках: отражение в текстовых образах образов реальных, их типологичность и спроецированность на неопределенный круг явлений. В то же время образ не является публицистическим описанием прототипа, реалистичным, фактуально адекватным.

В экспертной практике при анализе современных текстов необходимо учитывать нетождественность реального объекта и созданного на его основе художественного образа – обобщения. Мера и степень обобщения и идентификации выявит детальный анализ контекста.

Обобщение художественное отличается от обобщения публицистического. В первом случае явление предстает как типическое, но не соотносимое со всеми конкретными объектами, класс которых в реальной действительности представляет изображенный в художественной модели типологизированный образ. Дискурсивная природа художественной литературы в самой своей модели предполагает априори принимаемую реципиентом «театральную условность» произведения. Так, сатирические произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина и Н.В. Гоголя не давали позитивных образцов человеческого и гражданского поведения. Это не означает выражения мысли о всеобщем убожестве рода человеческого. В произведениях других жанров эти же авторы предлагают читателю и сложные, многогранные характеры, и даже героические. Каждое художественное произведение – это взгляд на жизнь с определенного ракурса конкретного автора в определенный момент времени. Понимание этой условности снимает в адрес художественного произведения обвинения относительно его объективности (в рамках экспертной практики – соответствия действительности). Отдельно взятое произведение, построенное по модели художественного изображения действительности, отражает фрагмент реальности, всеми элементами системы сигнализируя о двух, казалось бы, противоречащих друг другу, но в то же время в этом парадоксе органично сосуществующих свойствах обобщения: типологичности и несоотнесенности с конкретными явлениями действительности.

Как пресуппозиция выступает и для автора, и для реципиента дифференциация: в художественном произведении – вымысел, сказка – ложь, да в ней намек; в публицистическом – отражение конкретных событий, фактов реальности. Поэтому восприятие публицистического текста отличается поиском точного и однозначного соотношения

персонажа текста с личностью в реальной действительности. Публицистическое обобщение выражается в проецировании отдельных поступков конкретных лиц на поведение всей группы. На приеме проецирующегося обобщения построены многие экстремистские листовки, в которых описываются преступления (исторические и современные) лиц одной национальности против лиц другой с обобщающими выводами об обоснованности непримиримой вражды. Обобщения такого типа предстают как сообщения о фактах действительности. Однако стоит только смоделировать ситуацию, в которой приведенное высказывание становится средством речевой самохарактеристики персонажа произведения, сконструированного по художественной модели, и однозначность публицистической интерпретации снимается. В таком случае для осуществления выводов о прагматической направленности суждения необходимо будет проанализировать композицию, систему образов и коннотаций произведения с целью выявления концепции.

Фикциональность – смоделированность художественной системы произведения, признак его художественной организации, предполагающий вымышленность, опосредованность внутреннего мира текста, его условность, креативность. Художественная система организации текста представляет собой «способ отражения действительности, ориентированный на создание отличной от прообраза ментальной модели на основе переформирования компонентов реальности или создания новых ее компонентов. Вымысел... представляет собой устойчивую форму репрезентации информации» [9, с. 95].

Фикциональность проявляется в текстах неидентично, но сам факт ее реализации должен быть учтен при экспертизе.

Положение третье. Экспертные выводы должны учитывать контекст и ситуативный контекст функционирования художественного целого. В современной ситуации вопрос о наличии признаков экстремизма нередко относится к текстам, в которых используются материалы известных художественных произведений для реализации какой-либо прагматической цели. Такой целью может быть формирование у реципиента агрессивного отношения к группе лиц, выделяемой на каком-либо основании, посредством реализации стратегии дискредитации. Интертекстуальность включает в систему воздействующих средств прецедентные тексты, узнаваемость и авторитет которых работают на усиление аргументации и воздействующего эффекта материала.

Следует осознавать, что современный автор мог исказить смысл источника для реализации своих прагматических целей. Художественная условность, введенная в контекст публицистической

реальности, приобретает самые разнообразные коннотации. Так, еврейская тема в повести «Гарас Бульба» Н.В. Гоголя органично вплетается в контекст художественного описания конкретной эпохи, конкретного социума, обладающего специфическими идеологическими и нравственно-этическими установками. Именно его жестокость и «дикость», сконцентрированность на национальной и социальной самоидентификации отталкивают Андрия – чуждого по своей внутренней природе этой среде. Низкая сторона проявления маскулинности описываемого сообщества противопоставлена высокой, которая по ходу произведения раскрывается все более и более и увлекает цивилизованного читателя XIX века романтикой презрения к смерти, приоритетом товарищества, верности слову и братству. В таком контексте сцены гонения евреев – не призыв к подражанию, а отражение духа описываемых исторических реалий. Автор отнюдь не восторгается этими сценами, а включает их в повествование в качестве реализации сложной системы контрастного многогранного описания явлений, событий, персонажей. Исключение описанных фрагментов из контекста, придание им в тексте-реципиенте антисемитского смысла является искажением концепции первичного произведения. В рассматриваемом типе ситуаций вопрос относительно выражения экстремистской идеологии должен относиться не к собственно художественному тексту, а к материалу, использовавшему его.

Библиографический список

1. *Араева Л.А., Осадчий М.А.* Судебно-лингвистическая экспертиза по криминальным проявлениям экстремизма // Уголовный процесс. – 2006. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ugpr.ru/arhiv/16_apr_2006/topic163_sudebno45_lingvisticheskaya_ekspertiza_po_kriminalnym_proyavleniyam_ekstremizma_.html (дата обращения: 20.11.2012).
2. *Бабенко Л.Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов – М., Екатеринбург, 2004. – 464.
3. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.
4. *Бринева К.И.* Судебная лингвистическая экспертиза по делам о религиозном экстремизме // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://konference.siberia-expert.com> (дата обращения: 21.12.2012).
5. *Галышина Е.И.* Лингвистика vs экстремизм: в помощь судьям, следователям, экспертам / под ред. проф. М.В. Горбаневского. – М.: Юридический Мир, 2006. – 96 с.

6. Гвенцадзе М.А. Коммуникативная лингвистика и типология текста. – Тбилиси, 1986.

7. Голев Н.Д. «Восстать, вооружиться, победить»: Шекспир и экстремизм // Юрислингвистика 8: русский язык и современное российское право: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 412–416.

8. Губаева Т.В. Судебная экспертиза по делам об экстремизме // Вестник Института экономики, управления и права. Сер. 2. Право. Вып. 7. – Казань, 2006. – С. 303–315.

9. Клейменова В.Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2011. – № 143. – С. 94–101.

10. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методологические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы по делам, связанным с противодействием экстремизму. – М.: РФЦСЭ, 2011. – 326 с.

11. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/los8/14.php (дата обращения: 21.06.2013).

12. Осадчий М.А. Социальный экстремизм как предмет судебно-лингвистической экспертизы // Уголовный процесс. – Арбитражная практика. – М., 2008. – № 2. – С. 55–56.

13. Орлова О.В. Религиозный текст и экстремизм – две вещи несовместные? // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://konference.siberia-expert.com>. (дата обращения: 12.08.2014).

14. Стернин И.А. Выявление признаков возбуждения расовой и национальной вражды в лингвистической экспертизе текста: методическое пособие. – Воронеж: Гарант, 2010. – 20 с.

УДК 801.7

Колышкина Татьяна Борисовна

кандидат филологических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
ktb-10@mail.ru

Шустина Ирина Викторовна

кандидат филологических наук

Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
shustina-irina@rambler.ru

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЗИТИВНОЙ БАЗОВОЙ МОТИВАЦИИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

В исследовании рассматривается проблема формирования отношения к товару с помощью слов категории состояния. В категориальном значении данного класса слов отражена возможность языковых единиц называть эмоциональные и интеллектуально-волевые состояния человека. В статье описано функционирование слов категории состояния разных лексико-семантических групп, за счет которых реализуются наиболее частотные для рекламной коммуникации позитивные потребительские мотивы. К числу таких мотивов относятся сенсорное удовольствие, интеллектуальная или профессиональная стимуляция, социальное одобрение, эмоциональное удовольствие. К ним обращаются составители рекламных текстов, чтобы оказать воздействие на покупателя и стимулировать приобретение товара.

В статье описана обусловленность включения различных слов категории состояния типом рекламируемого товара. В ходе исследования была выявлена следующая закономерность: такие позитивные мотивы, как социальное одобрение и интеллектуальная или профессиональная стимуляция, чаще используются при рекламировании бытовой и цифровой техники. Эмоциональное и сенсорное удовольствие – позитивные мотивы более широкого спектра применения, а потому встречаются в рекламе как товаров повседневного спроса, так и товаров предварительного выбора. Как показал анализ текстов, положительная базовая мотивация, переданная с помощью слов категории состояния, встречается в рекламе довольно редко. В то же время создателям рекламного текста важно, чтобы эмоциональное состояние, вызванное рекламой, соответствовало ожиданиям целевой аудитории. Исследователи приходят к выводу, что изучение чувств и эмоций потребителя позволяет разработчикам выбрать оптимальный способ воздействия на потребителя, а включение в текст слов категории состояния ненавязчиво осуществить это воздействие.

Ключевые слова: реклама, эмоциональное отношение, мотив, слова категории состояния, языковые средства, средства воздействия.

Одной из целей рекламной коммуникации является формирование эмоционального отношения потребителя к рекламируемому товару и бренду. Отношение к марке, по Дж.Р. Росситеру и Л. Перси, включает базовые мотивации: отображение мотивации (аффективная, эмоциональная составляющая отношения к бренду) и адекватная логическая поддержка воспри-

нимаемой способности бренда удовлетворить эту мотивацию (когнитивная, рациональная составляющая отношения к бренду) [3]. Мотивы, лежащие в основе формируемого отношения потребителя к бренду, могут быть как негативными, так и позитивными, причем реализация этих мотивов может осуществляться различными языковыми и неязыковыми средствами. Одним из таких средств яв-